

Источник: Зубова Н. Н. Повесть А. Я. Яшина «Высочка»: к проблеме анализа диалектной языковой личности / Н. Н. Зубова, Е. Н. Ильина // Вологодский текст в русской культуре : сб. ст. по материалам конф. / Вологод. гос. ун-т. – Вологда, 2015. – С. 107–112.

*Н. Н. Зубова, Е. Н. Ильина  
Вологда*

**ПОВЕСТЬ А.Я. ЯШИНА «ВЫСКОЧКА»:  
К ПРОБЛЕМЕ АНАЛИЗА  
ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ\***

Изучение феномена русской языковой личности [1] ориентируется на различные типы текстов, в том числе и на тексты художественной литературы, которые дают возможность реконструировать особенности языковой личности их автора в процессе анализа речи повествователя или лириче-

---

\* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-04-00364 «Вологодский текст в русской словесности»).

ского героя, а также при обращении к речи персонажей. Внимание нашей работы обращено к повести А. Я. Яшина «Высочка»: в какой мере в ней отражены черты языковой личности жителя северной деревни?

Повесть А. Я. Яшина «Высочка» первоначально имела название «Свиньи». При жизни писателя повесть не публиковалась. В 1979 году «Высочка» впервые была включена в книгу прозы «Журавли». Приехав в 1958 году в Вологду и поселившись в гостинице, А. Яшин некоторое время жил в одном номере с Д. Б. Даниловым, председателем одного из вологодских колхозов. Многочисленные рассказы Данилова о колхозных делах послужили толчком к созданию повести. Эти рассказы дополнились собственными впечатлениями писателя во время его неоднократных поездок на родную землю в 1950-е годы. Источником бытовых и пейзажных зарисовок повести А. Яшина «Высочка» стала родная деревня Блудново и соседняя с ней деревня Липово. Конкретных прототипов героев повести нет, хотя в их портретах угадываются многие характерные черты яшинских земляков, односельчан. Работа над повестью начата 4 февраля 1961 года в Малеевке. Увлеченный замыслом нового произведения, Яшин записывает в своем дневнике *«Пишу рассказ «Свиньи». Все проясняется больше и больше, мысль и воображение работают, но сегодня я разволновался так, что даже писать больше не смог. Кажется, это будет сильная вещь. И возможно, что даже пригодится для печати. Надо только успокоиться»* [4, с. 347]. 13 марта 1961 года повесть была написана, но окончательная правка была сделана 31 мая этого же года. Тогда же пришло и новое название – «Высочка». Отклоненная журналом «Новый мир», рукопись была передана в редакцию журнала «Москва» 9 июня 1961 года и вместе с рукописью повести «Сирота» отвезена в Тарусу К. Г. Паустовскому. 13 июня К. Г. Паустовский прочитал «Высочку» и очень хвалил ее, а 19 июня в дневнике А. Яшина появляется запись: *«Вечером позвонил в Тарусу Паустовскому. Он прочитал и «Сироту», тоже нравится очень. Считает, что делать ничего не нужно. «Высочку» он ставит выше»* [4, с. 347-348]. Редакция журнала «Москва» предложила автору сделать некоторые существенные изменения в сюжете повести, и Яшин надолго откладывает готовую рукопись. В апреле 1962 года, заключив соглашение с журналом «Москва», писатель едет в Вологодскую область для «сбора материалов, относящихся к очерковой повести “Высочка”». А в июле этого же года подает заявку в издательство «Молодая гвардия» о включении повести в издательский план, вкратце излагая в ней новый основной конфликт произведения: *«Повесть эта о молодых животноводах северной колхозной деревни, свиноварках, о славе заслуженной, трудовой и – дутой, созданной искусственно, якобы ради пропаганды, о тяжелой психической травме и трудной душевной перестройке прославленной девушки-свиноварки, популярность которой была использована очковтирателями в своих корыстных целях»* [4, с. 348]. 2 июля 1966 года истекает срок предоставления рукописи в журнал «Москва», и договор с автором расторгается. Таким образом, после окончания повести 31 мая 1961 года никаких изменений в тексте А. Яшин не делал.

Текст повести даёт возможность обратиться к феномену диалектной языковой личности (по мнению Ю. Н. Караулова «языковая личность автора – это не простой субъект речи, чаще всего он даже не назван в структуре художественного произведения. Это – концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем, рассказчиком или рассказчицами и через них являющееся идейно-стилистическим средоточием, фокусом целого» [1, с. 62].), как в отношении повествователя, реализующего авторскую концепцию «лирического автобиографизма» [2, с. 124], так и в области речевой характеристики персонажей. В данной работе мы обратимся именно к этому вопросу, сравнивая речь двух центральных персонажей повести – свиначки Нюшки и активистки Елены Ивановны Смолкиной. Их биографии во многом похожи: голодное детство, заставившее рано узнать всю тяжесть крестьянского труда, работа на свиноферме, послужившая причиной внимания к ним местного и более высокого начальства. Вместе с тем автор по-разному представляет в тексте этих персонажей.

Во внешнем облике Нюрки подчёркивается её внутренняя красота, трудолюбие и талант: *«Тоненькая, ловкая, непоседливая, вся в мать, с неисчислимым запасом энергии и выносливости, она всю себя отдавала работе, потому что иначе и не могла, а может, еще и потому, что ничто другое в жизни пока ее не занимало. Она ни в кого еще не влюблялась, на молодежные пляски, на беседки не ходила, книги читать не приучилась. В Нюрку тоже никто еще не влюбился: потому ли, что мала была очень да молода, а может, потому что не было в ней той внешней привлекательности, из-за которой парни влюбляются в девушек с первого взгляда: худенькое костлявое личико, носик острый, рот широк не по лицу, никаких ямочек ни на щеках, ни на подбородке, и волосы жиденькие — либо еще не успели отрасти, либо такими на всю жизнь останутся. А ту неброскую внутреннюю красоту, которой было у Нюрки с избытком, тот огонек, который сжигал ее всю, не давая даже округлиться хоть немножко, люди замечали не сразу, молодые паренки тем более. Миловидность кидается в глаза с первого разу, а чтобы разглядеть красоту внутреннюю, доброту и свет души, требуется время да время. У паренков этого свободного времени не было, как и у Нюрки: все работали со школьной скамьи, все куда-то спешили, даже целовались с девочками по вечерам как-то наспех, торопливо. И Нюрка не унывала от того, что в нее не влюблялись. Ну, не любят, так не любят, экая важность, не до этого сейчас. Ведь сама-то она тоже никого не любит. Когда придет время да охота – полюбится, и беспокоиться об этом пока не стоит»* [4, с. 153–154].

Внешний облик Елены Ивановны Смолкиной обрисован удивленными репликами колхозников, пришедших слушать её выступление на собрании: *«Шубу-то разглядела? Кругом мех», «Шляпку-то видела? С вуалью», «Выставка достижений!»* [4, с. 184]. Автор подчёркивает несурзность портрета известной свиначки: *«Шляпка фетровая, с черной сеточкой-вуалькой спереди и сзади, костюм из нетолстой серой шерсти, кофточка какая-то*

модная полупрозрачная, нейлоновая, что ли, и туфли – ничего, не плохие, хоть и не на «шпильках», но на каблуках вполне женских, не солдатских... По отдельности – хорошие вещи! А все вместе они как-то не увязывались, не согласовывались друг с другом ни в цвете, ни в фасоне, вещь к вещи не подходила. И к ней, к Смолкиной, ничего не подходило, то что называется – к лицу не шло. Костюм на ней не сидел, а висел. Сквозь нейлоновую кофточку просвечивала фиолетовая не то комбинация, не то простая трикотажная майка. Вулетка на шляпке не вязалась с учрежденческой строгостью пиджака и знаками отличия на нем. В общем, создавалось впечатление, что одежда Смолкиной приобреталась в разное время и по частям, в ларьках, распродающих уцененные товары. Особенно не к месту были сережки – замысловатые, позолоченные, со сверкающими стекляшками на фольге, броские, как мишурные украшения. Нейлон и мишура! – действительно ни к селу, ни к городу. Потому и сама Смолкина казалась ни городской, ни деревенской» [4, с. 186]. Вся эта несурзанность исходила из того, что активистке Смолкиной приходится заниматься не свойственным для неё делом – вместо того, чтобы выращивать свиней, ездить по колхозам с выступлениями на производственные темы.

Исследуя речевые портреты персонажей, также можно обнаружить как черты их сходства, так и концептуальные различия.

На когнитивном уровне обращает на себя внимание активная реализация в речи обоих персонажей концепта «труд». Работа составляет основу жизни Нюрки, смысл её переживаний: «Вместе с Нюркой на свиноферме по целому дню возились и Лампия Трехпалая и даже ленивая Палага - вот уж по правде от зари до зари» [4, с. 155]. В жизни Елены Ивановны Смолкиной также было много тяжёлого, непосильного труда: «С детства я впряглась в оглобли в полную силу, по делянке отцу помогала, растила младших братьев и сестер...» [4, с. 202]. Но если Нюрка честна перед собой в том, что не любая работа ей под силу, то Смолкина, рассказывая о своей жизни и в порыве откровенности сознавая в своей неграмотности («А я мало поучилась. Отчим не дал, работать в колхозе надо было. Только два класса и кончила... Не писала я никакой книги. Другие за меня написали, я только деньги получила» [4, с. 196]), на колхозном собрании прикрывает свою неграмотность демагогической риторикой: «Что ж, так и написала! Конечно, не без помощи! Если бы не помощь да не поддержка, чего бы мы с вами все стояли на белом свете?» [4, с. 203].

Помощь – также одно из важнейших понятий в сознании каждой из женщин. Для Нюрки это проявление бескорыстной жалости к животным («Ты только подумай, мы их поим, кормим, мы за ними ухаживаем, чистим их, все для них — от нас, на нашем горбу держатся, и вот ведь свиньи: вместо благодарности они же нас и ненавидят, они же нас сожрать ладят... Ну не свиньи ли?» [4, с. 158]), к родной земле («Земля осиротела, лежит неухоженная, необласканная, последние соки свои теряет» [4, с. 213]), к работающим плечом к плечу односельчанам («Молодая безрасудная Нюрка кричала много. Нюрка надеялась, будто криком можно че-

го-то добиться, кому-то и чему-то помочь» [4, с. 155]). Поэтому «помощь» председателя Бороздина в карьерном продвижении Нюрка считает предательством по отношению к труду, к односельчанам, к свиньям, ко всему тому, что составляет реальную основу крестьянской жизни:

– Сейчас дам тебе бумагу в зубы, сядешь на подводу – и в район. Только ты пойми меня, Нюра, правильно. В районе передовых людей недостаток, новых выдвигать надо. Тебя обязательно поддержат. Тебя воспитывать будут, с тобой работать начнут, а ты им про свиней про наших, пойми ты это. Все дадут! Героиней будешь!

– Вместе будем очки втирать, да?.. – Голосок у пчелки зазвенел еще выше, еще звончей и со злобой. – Свиней кормить надо, а вы меня заведующей хотите поставить. Аль думаете, одним начальником будет больше, так свиньидохнуть перестанут? Мало еще у нас всяких заведующих?» [4, с. 177–178].

В противоположность Нюрке Смолкина, нынешняя роль которой явилась следствием именно такой «помощи», что предлагал Нюрке Бороздин, воспринимает её как необходимое условие своего существования:

«Самоотверженный труд был основой и единственным смыслом всей жизни Елены Ивановны, а направляющие указания руководящих товарищей не давали ей сбиваться с пути.

– Если бы не помощь, если бы не поддержка... – то и дело повторяла Смолкина. – Если бы председатель колхоза вовремя не подбросил кормов, если бы весь колхоз не был повернут лицом... не было бы у меня высоких показателей и не видать бы мне рекордов... как не видать своих ушей» [4, с. 202].

Вербально-семантическую основу речи центральных персонажей повести «Высочка» составляет народно-бытовая речь с умеренным вкраплением локализмов: «Ты только подумай, мы их поим, кормим, мы за ними ухаживаем, чистим их, все для них – от нас, на нашем горбу держатся, и вот ведь свиньи: вместо благодарности они же нас и ненавидят, они же нас сожрать ладят... Ну не свиньи ли?» (Нюрка) [4, с. 158], «На зумне всю пелёву, всю мякину заметали подчистую, все скоту на корм шло... Лен обмолотим – весь куколь (кое-где колокольцем зовут), весь куколь – свиньям на еду. Запарись, подсыплешь мучкой – лопают да облизываются, да спасибо говорят. А ныне что куда деваются?» (Смолкина) [4, с. 202–203]. Различия можно усмотреть в том, насколько активно и охотно персонажи включают в свою речь официально-деловую лексику, канцеляризмы и штампы ораторской речи. Нюрка прибегает к ним, либо иронизируя над бессмысленностью прикрываемого канцелярщиной бюрократизма и очковтирательства («Набьют кожаные голенища разными бумагами и слоняются от фермы к ферме, ручки в брючки да по совещаниям ездят, опытом делятся. Колхозная интеллигенция!..» [4, с. 189]), либо включаясь в заданную стилистику диалога («Дела как? – переспросила Нюрка. И, впадая в тон недавно прочитанной смолкинской брошюры, ответила: – Трудности у нас есть. Много трудностей» [4, с. 188]). Смолкина же, напротив, стре-

мится к существованию в этой речевой стихии, видя в этом соответствие возлагаемой на неё миссии: «Трудности, да... Трудности, они у всех есть. Разные... Это трудности роста. Их преодолевать надо... Ну, мы с вами еще поговорим. И собрание проведем» [4, с. 188].

Мотивация поступков Нюрки определяется стремлением к всеобщему благу, к справедливости, к правде: «Как же тут утерпеть, не высказать все такому известному и почетному человеку, как Елена Ивановна Смолкина? Нет уж, будь что будет. Пускай уж и сор из избы летит, может, чище в избе станет. Да и не такой человек Смолкина, чтобы не разобраться, кто чего хочет - кто добра, а кто корысти. Эх, дойти бы до самой Москвы, как раньше ходоки до Ленина добирались» [4, с. 188]. В противоположность Нюрке Смолкина, уже давно играющая роль активистки и колхозного агитатора и успевшая устать от этой роли, многие из поступков совершает уже по инерции («Елена Ивановна начала читать свою речь. Речь эта была написана, видимо, давно, с расчетом на любой случай, для любой аудитории... опять обратилась к печатному тексту своей речи и стала читать без воодушевления, монотонно, поднимая голову в местах, которые она уже знала наизусть» [4, с. 201]), вызывая недоумение и протест у слушающих её земляков: «С людьми разговаривать надо, а не по бумажке им читать, если ты сама человек. Время это прошло, когда все по бумажкам читали, того гляди и слушать тебя не станут» [4, с. 202].

Речевые характеристики убеждают нас в том, что симпатии автора находятся на стороне Нюрки. Не случайно в конце повести, во сне героини, Смолкину настигает справедливое возмездие («Крокодил первый опрокинул перегородку. Клыки его были обнажены... Трещала распарываемая шерстяная материя, звенело золото и серебро на цементном унавоженном полу» [4, с. 218]). К Нюрке наконец-то стали теплее относиться другие свинарки («Никогда прежде Лампия не называла Нюрку так ласково – Нюрушкой! – и не разговаривала с ней так доверительно, как сейчас» [4, с. 220]), а Елена Ивановна Смолкина получила её бывшее прозвище – «выскачка».

### Литература

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М., 2010.
2. Рулева А. С. Александр Яшин. Личность. Поэт. Прозаик. – Л., 1980.
3. Тимофеев В. П. Диалектный словарь личности. – Шадринск, 1971.
4. Яшин А. Я. Повести и рассказы / А. Я. Яшин; [сост., подгот. текста и примеч. З. К. Поповой-Яшиной]. – Архангельск, 1980.